

ление освободиться от чуждого им культурного помещичьего слоя. Революция была, по мнению евразийцев, прямым следствием насильственной европеизации России. Пророчество «Петербургу быть пусту» — это неизбежное возмездие исторического процесса; призрачный Петербург, город-мираж, выстроенный на зыбучих песках и болотах, так и остался вдали от корневого тела России, от ее сердца — Москвы [29].

Евразийство впервые попыталось дать исторический анализ русской революции. Оно оригинально раскрыло парадоксальность многих ее сторон. Считая ее неизбежным следствием раскола нации, произведенного реформами Петра, своего рода историческим приговором Петру (мнение, в общем разделяемое многими европейскими умами; так, в 1925 г. немецкий социолог и культуролог Альфред Вебер писал, что большевистская власть привела к реазиизации России [30]), евразийцы утверждали, что большевистская революция сверху только потому смогла победить, что подпитывалась стихийным мужицким протестом снизу, спонтанным подсознательным протестом против результатов петровского дела. Их убеждение в том, что большевизм в какой-то мере был выразителем воли народа, шокировал тогда всю эмигрантскую общность. Но одновременно это народное восстание парадоксальным образом соединилось с продолжением петровского замысла. Большевизм ставил своей целью превратить Россию в передовое индустриальное государство, т. е. завершить окончательную европеизацию России. Он скрепил распадающуюся империю связующей цепью — идеей пролетариата, противопоставив центробежным силам растущего национального самосознания народов Российской империи «классовую солидарность» разных национальностей.

Но парадоксы истории, по мнению евразийцев, таковы, что исход революции следует рассматривать как компромисс между властью (большевиками) и народом, причем народ навязывал свою волю большевикам, воспользовавшись ими, чтобы спасти территориальную целостность и возродить политическую мощь своей страны, заявляли они в своем программном труде «Евразийство» [31].

Однако предложенный большевиками новый носитель российского единства — пролетариат не может на длительное время обеспечить единство страны. Пролетариат как гарант большого геополитического единства — фигура мифическая, утверждал в частности Г. П. Федотов: «Сознательный пролетариат — продукт не завода, а доктрины» [32]. Не говоря уже о том, что национальные чувства рабочих сильнее их классовой солидарности, классовый подход сам по себе в конечном счете подрывал единство России, так как разжигал классовую ненависть, а значит, объективно вел к незатихающей гражданской войне. К тому же подавленные до времени национальные чувства неизбежно дадут о себе знать.

Если Россия захочет оставаться единым государством, она должна найти новую идеологию и нового носителя единства. Этой идеологией и должно было стать евразийство, ставящее во главу угла то, что понятно всем народам России-Евразии. Геополитическая, апеллировавшая к силам национальности, концепция евразийства преодолевала абстрактную схему «классового» идеала и вместе с тем стремилась к преодолению национального сепаратизма путем строительства наднационального евразийского государства [34].

Если прежнее единство Российской империи держалось за счет консолидирующего начала русского народа, то теперь растущее национальное самосознание нерусских народов России делает великодержавное монопольное положение русских непрочным. В связи с этим Н. С. Трубецкой подвергал резкой критике русский великодержавный шовинизм: не допуская компромисса с другими народами России, он ставит под угрозу прочность веками сложившегося территориального единства Российского государства, что может в конечном итоге привести к сокращению его до великорусского ядра [33, с. 16].

Отрицание евразийством насильственной петровской европеизации привело их к новому для традиционной русской историсофии моменту — радикальной критике Запада. Л. П. Карсавин подчеркивал, что европейская история пронизана